

Рассказчик-комментатор в криминальной литературе

Наталья Н. Кириленко

*Независимый исследователь, Москва, Россия,
nkirilenko466@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается специфика такого субъекта речи, как рассказчик-комментатор в жанрах криминальной литературы: в классическом детективе и «крутом детективе».

Рассказчик в данных жанрах – «свидетель и судия» (Бахтин). В «крутом детективе» это проявляется не только в комментариях героя, но и в его поступках. Чтобы уточнить термин «рассказчик-комментатор», проводится сопоставление классического детектива и «крутого детектива» с теми жанрами криминальной литературы, где рассказчик свойствами комментатора не обладает: «детективным ребусом» и полицейским романом. Под этим термином я понимаю рассказчика – активного участника расследования, который почти любое сообщение читателю сопровождает личной оценкой и подчеркнуто отграничивает себя от других персонажей. Сопоставление жанров классического детектива и «крутого детектива» между собой выявляет специфику их субъектной структуры. Великий сыщик никогда не бывает субъектом рассказывания, в отличие от *крутого* сыщика, который совмещает функции рассказчика-комментатора и сыщика. Также эти жанры принципиально различаются в таких аспектах как композиционные формы речи и способ эстетического завершения. Крутому детективу присущи совершенно не характерные для классического детектива *разноречие* и *разноязычие*, а следовательно, *разнооценочность*.

Ключевые слова: рассказчик-комментатор, М.М. Бахтин, В.И. Тюпа, криминальная литература, жанр, классический детектив, классический сыщик, «крутой детектив», *крутой* сыщик

Для цитирования: Кириленко Н.Н. Рассказчик-комментатор в криминальной литературе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 2. С. 25–34. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-2-25-34

The narrator-commentator in crime fiction

Natal'ya N. Kirilenko

An independent researcher, Moscow, Russia, nkirilenko466@gmail.com

Abstract. The article examines the specifics of such kind of speech subject as the narrator-commentator in the genres of crime fiction: the classic detective story and the hard-boiled detective story. The narrator in these genres is “a witness and a judge” (Bakhtin). In the hard-boiled detective story that manifests itself not only in the character’s comments but in his actions also. To clarify the term “the narrator-commentator” the classic detective story and the hard-boiled detective story are compared to the “detective rebus” and the police novel in which the narrator does not have the features of a commentator. By the term the author means the narrator, who takes an active part in the investigation and who almost any message to the reader accompanies with a personal assessment, and emphatically differentiates himself from other characters. The juxtaposition of the classic detective story and the hard-boiled detective story reveals the specifics of their subject structure. The Great Sleuth is never a subject of narration while the *hard-boiled* sleuth is both a narrator-commentator and a detective. Those genres also differ fundamentally in such aspects as the compositional-speech forms and method of aesthetic completion.

Completely unlike a classic detective story a hard-boiled one is characterized by the *heteroglossia* and *multilingualism* accordingly the *appraisals variety*.

Keywords: the narrator-commentator, M.M. Bakhtin, V.I. Tyupa, crime fiction, genre, the classic detective story, the classic sleuth, the hard-boiled detective story, the *hard-boiled* sleuth

For citation: Kirilenko, N.N. (2020), “The narrator-commentator in crime fiction”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 25–34, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-2-25-34

Цель статьи – привлечь внимание к специфике рассказчика-комментатора в классическом детективе и «крутом детективе» (далее без кавычек). При этом классический детектив я рассматриваю как единственный канонический жанр криминальной литературы, *жанр-образец*, в том числе и для крутого детектива.

Прежде всего необходимо прояснить сам термин «рассказчик-комментатор». Первым в отечественных исследованиях его использовал, по-видимому, В.Е. Балахонов:

Новеллы Э. По ввели в литературу тип рассказчика-комментатора происходящих событий (например, доктор Ватсон у Конан Дойля);

таким повествователем-летописцем (у Габорио, Леру, Леблана, Агаты Кристи и других) обычно становится человек недалекий, присутствие которого лишь подчеркивает ум и проницательность главного героя [Балахонов 1991, с. 3–22].

Однако, как видим, исследователь не только не пояснил термин «рассказчик-комментатор», но и употребляет как синоним термина «повествователь-летописец», что явно некорректно.

В лингвистической работе А.А. Корниенко «Типология рассказчика и проблемы перевода» встречаем термины «комментирующий рассказчик» и «свидетель-комментатор». «Комментирующий рассказчик», согласно концепции исследовательницы, находится «внутри события», что может быть отнесено и к рассказчику-комментатору в криминальной литературе, но ее следующее положение – «момент события и момент рассказа о нем совпадают» [Корниенко 2011, с. 74] – не подходит ни к одному известному мне жанру криминальной литературы. Также ни одному из них не соответствует такая характеристика, как фрагментарность рассказа.

Явно отличаются от интересующих нас типов отношения такого рассказчика и читателя: «Читатель для него значим в той степени, в какой ему нужен слушатель, смысл присутствия которого заключается в выполнении функции “жилетки” – выслушать, погладить по головке, вместе погоревать» [Корниенко 2011, с. 74]. Ни Уотсону с Гастингсом, ни *крутым* сыщикам Марлоу и Хаммеру «жилетка» не нужна.

Другой выделенный Корниенко тип рассказчика – «свидетель-комментатор» – отличается от «комментирующего рассказчика» тем, что обозначается местоимением «он». В остальном разница не прояснена.

Согласно Бахтину, рассказчик – «свидетель и судия» [Бахтин 1979, с. 341]. В.И. Тюпой сделано принципиальное уточнение: часто эти функции рассказчика разведены¹. Рассказчик в рассматриваемых жанрах совмещает эти функции. О.Ю. Анцыферова называет друга-рассказчика классического сыщика «хроникером» [Анцыферова 1994, с. 21–36]. Позволю себе не согласиться: ни в классическом детективе, ни в крутом рассказчик не является *хроникером*, который ведет достаточно объективное повествование [Тюпа 2009, с. 50]; рассказчик в этих жанрах не только *свидетельствует*, но и *судит*. В крутом детективе это проявляется не только в комментариях героя, но и в его поступках.

¹ Это замечание было сделано В.И. Тюпой при обсуждении доклада, ставшего основой данной статьи.

Чтобы понять специфику рассказчика-комментатора, обратимся к тем жанрам криминальной литературы, где рассказчик свойствами комментатора не обладает. Это прежде всего «детективный ребус» [Кириленко 2016, с. 57–58]. В новелле По «Тайна Мари Роже» разница бросается в глаза тем сильнее, что здесь мы видим тех же серийных героев, что и в классическом детективе «Убийства на улице Морг». Отсутствие комментариев связано с принципиальной удаленностью рассказчика и сыщика от места и времени преступления. Такая дистанция делает рассказчика свидетелем разгадывания преступления, но не расследования. Дюпен не осматривает места, где были обнаружены тело и вещи, а берет сведения из газет (выявляя противоречия и отсеивая недостоверное) и поручает безымянному рассказчику проверить алиби жениха Мари. Последнее совершенно недопустимо в классическом детективе.

Итак, комментатор, во-первых, должен иметь очень близкую позицию по отношению к расследованию, а часто и к преступлению.

Чтобы ответить на вопрос, какими еще свойствами обладает комментатор, обратимся к одному из самых востребованных и долгоживущих жанров криминальной литературы – полицейскому роману. Рассказчик как «носитель речи, открыто организующий своей личностью весь текст» [Корман 1972, с. 34] здесь встречается, хотя и не очень часто, – это «Эра милосердия» и «Я, следователь» братьев Вайнеров; «Ярмарка в Сокольниках» Ф. Незнанского; «Смерть дня» К. Райх; «Точка отсчета» П. Корнуэлл и др.

Несмотря на то что рассказчик в полицейском романе находится внутри события, комментатором его назвать нельзя. Принципиальная разница с классическим детективом и крутым детективом здесь, на мой взгляд, в наличии или отсутствии личной оценки буквально всего, что видит рассказчик.

Можно возразить, что субъективность, личная оценка свойственны рассказчику в принципе. Однако герой полицейского романа находится под грузом ответственности, который давит на его субъективное восприятие, заставляя все время обращаться к фактам. Ошибка героя может стоить другому персонажу или даже ему самому жизни. На объективность работают не только вставные тексты (протоколы и другие документы), но и то, что многое из того, что рассказчик видит лично, он все равно доносит до читателя языком протокола. Со своей субъективностью он постоянно полемизирует; слово для него может быть приравнено к действию: «Когда мне приходится говорить кому-то: “Вы являетесь подозре-

ваемым по делу...” – я боюсь, чтобы он не заметил, как я внутренне вздрагиваю»².

От такой перманентно довлеющей ответственности совершенно свободны рассказчики в классическом детективе и крутом детективе. Они не только сообщают читателю, что происходит, но и добавляют, нравится им это или нет.

Например, в романе «Безмолвный свидетель» Гастингс завтракает вместе с Пуаро и комментирует каждое его действие: «Пуаро всегда пил шоколад на завтрак – мерзкий обычай»³. Комментарии *крутого* сыщика еще более пристрастны; вот как начинается роман основателя крутого детектива К.Дж. Дэйли «Третий убийца», первые строки: «Мне его лицо не понравилось, и я так ему и сказал»⁴.

Как видим, здесь можно говорить об *избыточной* субъективности, проявленной и в размышлениях, и в отношениях с персонажами, и в оценках, сообщаемых читателю. Более того, комментарий здесь переходит в физическое действие.

Важный момент: если в полицейском романе *оценочность* тем ниже, чем больше сообщение имеет отношение к расследованию преступления, то в классическом детективе и крутом детективе это не так. Более того, в «Этюде в багровых тонах» Конан Дойла повествование лишено комментариев до тех пор, пока не появляется Холмс. Здесь тональность повествования резко меняется. Вот первое появление Холмса, сокращенная цитата:

Я нашел его! Нашел! – кричал он моему приятелю, подбегая к нам с пробиркой в руке. – Я нашел реагент, который осаждается гемоглобином и больше ничем! – Найди он золотую шахту, черты его лица не светились бы от большего удовольствия. <...> Ха, ха! – закричал он, хлопая в ладоши и радуясь как ребенок новой игрушке. <...> Теперь у нас есть анализ Шерлока Холмса и больше не будет никаких трудностей! – когда он говорил, его глаза довольно блестели; он приложил руку к сердцу и поклонился, словно аплодирующей толпе, вызванной его воображением⁵.

² *Вайнер А.А., Вайнер Г.А.* Я, следователь // Современный детектив. М.: Книжная палата, 1988. С. 28.

³ *Christie A.* Dumb Witness. Glasgow: Fontana/Collins, 1988. P. 35. Все переводы с английского мои. – *Н. К.*

⁴ *Daly J.C.* The Third Murderer [Электронный ресурс]. URL: <http://bookre.org/reader?file=1672299> (дата обращения 17 апреля 2019).

⁵ *Doyle A.C.* A Study in Scarlet // Doyle A.C. A Study in Scarlet and The Sign of the Four. New York: Dover Publications Inc., 2003. P. 4–6.

Наконец, комментарий является разновидностью *границы*, которую рассказчик создает между другими персонажами и собой, что нехарактерно для полицейского романа, но типично для классического детектива и крутого детектива.

Итак, под термином «рассказчик-комментатор» я понимаю рассказчика – активного участника расследования, который почти любое сообщение читателю сопровождает личной оценкой, и подчеркнuto отграничивает себя от других персонажей.

Специфика *субъектной структуры* классического детектива в том, что Великий сыщик никогда не бывает субъектом рассказывания, в отличие от крутого детектива, где герой совмещает функции рассказчика-комментатора и сыщика. Именно субъектная структура обуславливает различия в перечисленных ниже аспектах.

Комментатор в классическом детективе, с одной стороны, – самый приближенный к сыщику персонаж, с другой же, по степени своей осведомленности занимает одну из наиболее удаленных позиций, узнавая истину не благодаря собственным усилиям, но со слов сыщика.

В крутом детективе герой сам и проводит расследование и рассказывает о нем. Читатель узнаёт сразу всю информацию, которой владеет сыщик, и значительную часть выводов. Остальные комментатор бережет для *ораторского выступления* в финале. Необходимо отметить, что для классического детектива характерны ораторские выступления сыщика и преступника, но не комментатора.

Добавим, что рассказчик-комментатор классического детектива – зритель, его присутствие помогает созданию атмосферы игрового действия. Комментатор крутого детектива – и зритель, и организатор действия.

По ходу расследования часть предположений *крутого* сыщика может быть ложной. В то же время его заблуждения разительно отличаются от *непонимания* рассказчика-комментатора классического детектива.

Речь идет о *непонимании* комментатора истинного смысла слов и поступков сыщика и других персонажей: «Я слышал то же, что и он, я видел то же, что и он, но из его слов было очевидно, что ему понятно не только то, что случилось, но и то, что случится; для меня же все это дело оставалось запутанным и гротескным»⁶. Это непонимание создает возможность *детективного* пуанта, связан-

⁶ Doyle A.C. The Red-Headed League // Doyle A.C. Adventures of Sherlock Holmes. New York: Harper & Brothers, Franklin Square, 1892. P. 46.

ного с разоблачением преступника и акцентированным внезапным прозрением рассказчика, остальных персонажей и читателя при этом разоблачении.

В классическом детективе рассказчик-комментатор, в отличие от полиции, выступает как подвижная фигура. Вначале расследования он – носитель обычной, *нормальной* и ложной точки зрения, которая часто фиксируется версией, изложенной в газетах. По мере развития сюжета он движется к *прозрению*, проходя этот путь вместе с читателем.

Для рассказчика-комментатора крутого детектива такое непонимание нехарактерно; он прозревает *не вместе с читателем, а до него*. Сначала происходит финальная схватка с основным преступником, а уже потом герой объясняет все читателю.

Классический детектив *диалогичен*; диалоги, преимущественно *игровые* – между Дюпеном и рассказчиком, Холмсом и Уотсоном, Пуаро и Гастингсом (Шеппардом), а также между любым классическим сыщиком и полицией, клиентами, преступниками – неотъемлемая часть жанра.

Наряду с диалогами с подшучиванием есть и комическое *скрытое* (для других персонажей) *комментирование* рассказчиком того, что происходит, известное только читателю. *Непонимание* передается не только в диалогах, но и в повествовании, и оно значимо в обоих случаях. Таким образом, в классическом детективе между монологами и диалогами, с одной стороны, и повествованием – с другой происходит *взаимодействие* и *взаимоосвещение*.

В крутом детективе доля диалогов значительно меньше, а скрытого комментирования, соответственно, больше.

Многие, писавшие о Шерлоке Холмсе, подчеркивали роль портретных деталей других персонажей для заключений сыщика об их профессии и т. д. Интересно, что читатель узнает об этих деталях от Холмса, поскольку из описаний Уотсона мы этого не видим. Портреты жертв, как правило, даны глазами рассказчика. При этом мы мало что знаем о внешности самих рассказчиков в классическом детективе – Уотсона, Гастингса, викария, не говоря уже о рассказчике Э. По.

Рассказчик-комментатор крутого детектива о деталях своей внешности сообщает всегда. Особо отмечается высокий рост и немалый вес *крутого* сыщика, обычно больше восьмидесяти кг. Несмотря на такой вес, сыщик должен быть достаточно подвижен, чтобы бегать, преодолевать физические препятствия и драться. В отличие от рассказчика в классическом детективе, он дерется обязательно, и часто получает от этого удовольствие.

В классическом детективе возможно, а в крутом почти обязательно наличие любовной линии, связанной с рассказчиком.

В отличие и от комментатора классического детектива, и от Шерлока Холмса, которому, несмотря на аскетизм его пребывания в пещере, требовался чистый воротничок, *крутой* сыщик часто ведет расследование небритым, иногда в поношенной одежде и, как правило, не на трезвую голову, по которой, прежде чем его осенит, обязательно бьют.

Это связано с тем, что в отличие от гармоничного мира классического детектива мир крутого *грязен* во всех отношениях; слово «грязь» (dirt, smear) и его производные – самые частотные в крутом детективе. Это относится не только к преступникам, продажным политикам и полицейским, что видно из цитаты из романа Р. Чэндлера «Прощай, моя красотка»: «В том году на календаре был Рембрандт, довольно грязный автопортрет из-за несовершенной печати. Он изображал его держащим грязную палитру грязным большим пальцем и в шотландском берете, также не слишком чистом»⁷.

Для комментатора классического детектива нехарактерно использование профессиональной лексики или жаргона. Для крутого детектива – наоборот, обязательно: здесь рассказчик – представитель определенного социального слоя.

В классическом детективе нет ни *чужого* слова, подчеркивающего всяческие *границы*, в том числе и социальные (национальные), ни, соответственно, проблемы преодоления этих границ.

Разноречие и *разноязычие*, а следовательно, *разнооценочность* совершенно нехарактерны для классического детектива; после нарушения нормы дается две оценки (что соотносится с его субъектной структурой), – *нормального* человека (рассказчика и т. д.) и Великого сыщика, которые в конце максимально сближаются.

Для крутого детектива – напротив: характерно *чужое* слово, сопровождаемое комментарием рассказчика, подчеркивающим *границы*, в том числе и социальные (национальные): «Первый раз при мне Персонвилль Пойзонвиллем (от poison (яд). – *Н. К.*) назвал рыжеволосый деревенщина по имени Хики Дьюи в “Большом Корабле” в Батте. Он также называл свою рубаху “рувахой” (shoit вместо shirt. – *Н. К.*)»⁸. Ему присущи *разноречие* и *разноязычие*, а следовательно, *разнооценочность*, которая в финале произведения не преодолевается. Таким образом, специфика рассказчика-ком-

⁷ Chandler R. Farewell, my lovely. Knopf Doubleday Publishing Group, 2002. P. 41.

⁸ Hammett D. Red Harvest. Knopf Doubleday Publishing Group, 2010. P. 3.

ментатора в классическом и крутом детективе проявляется в следующих аспектах:

- позиция комментатора в субъектной структуре;
- композиционные формы речи;
- способ эстетического завершения.

Благодарность

Благодарю В.И. Тюпу за высказывание о том, что функции свидетеля и судьи у рассказчика могут быть разъединены (при обсуждении доклада, ставшего основой данной статьи).

Acknowledgements

I appreciate V.I. Tyupa for the observation that narrator's functions of a witness and a judge might be separated. The observation took place while discussing the report which was used as a base of the article.

Источники

- Вайнер, Вайнер 1988 – *Вайнер А.А., Вайнер Г.А.* Я, следователь // Современный детектив. М.: Книжная палата, 1988. С. 13–190.
- Chandler 2002 – *Chandler R.* Farewell, my lovely. Knopf Doubleday Publishing Group, 2002. 304 p.
- Christie 1988 – *Christie A.* Dumb Witness. Glasgow: Fontana/Collins, 1988. 251 p.
- Daly 1931 – *Daly J.C.* The Third Murderer [Электронный ресурс]. URL: <http://bookre.org/reader?file=1672299> (дата обращения 17 апреля 2019).
- Doyle 2003 – *Doyle A.C.* A Study in Scarlet // *Doyle A.C.* A Study in Scarlet and The Sign of the Four. New York: Dover Publications Inc., 2003. P. 1–92.
- Doyle 1892 – *Doyle A.C.* The Red-Headed League // *Doyle A.C.* Adventures of Sherlock Holmes. New York: Harper & Brothers, Franklin Square, 1892. P. 29–55.
- Hammett 2010 – *Hammett D.* Red Harvest. Knopf Doubleday Publishing Group, 2010. 224 p.

Литература

- Анциферова 1994 – *Анциферова О.Ю.* Детективный жанр и романтическая художественная система // Национальная специфика произведений зарубежной литературы XIX–XX веков. Проблема жанра. Иваново: ИвГУ, 1994. С. 21–36.
- Балахонов 1990 – *Балахонов В.Е.* От Лекока до Люпена // Габорио Э. Дело вдовы Леруж; Леру Г. Духи Дамы в черном; Леблан М. Арсен Люпен – джентльмен-грабитель. М.: Прогресс, 1990. С. 3–22.
- Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

- Кириленко 2016 – *Кириленко Н.Н.* Жанровый инвариант и генезис классического детектива: Дис. ... канд. филол. наук М., 2016.
- Корман 1972 – *Корман Б.О.* Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 110 с.
- Корниенко 2011 – *Корниенко А.А.* Типология рассказчика и проблемы перевода // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 4. С. 70–77.
- Тюпа 2009 – *Тюпа В.И.* Анализ художественного текста: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2009. 336 с.

References

- Antsyferova, O.Yu. (1994), “Detective genre and art system of Romanticism”, in Chugunova, N.A. (ed.), *Natsional'naya spetsifika proizvedenii zarubezhnoi literatury XIX–XX vekov. Problema zhanra* [National specifics of the foreign literature works of the 19th–20th centuries. Issue of genre], IvGU, Ivanovo, Russia, pp. 21–36.
- Balakhonov, V.E. (1990), “Since Lecoq to Lupin”, Balakhonov, V.E., *Gaborio E. Delo vdovy Leruzh, Leru G. Dukhi Damy v chernom, Leblan M. Arsen Liupen – dzhentlmen-grabitel* [Gaboriau E. The Case of the Widow Lerouge. Leroux G. Perfume of the Lady in Black, Leblanc M. Arsène Lupin – Gentleman Burglar], Progress, Moscow, Russia, pp. 3–22.
- Bakhtin, M.M. (1979), *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of the creative verbal work], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Corman, B.O. (1972), *Izuchenie teksta hudozhestvennogo proizvedeniya* [Studying the text of the artwork], Prosveshchenie, Moscow, Russia.
- Kirilenko, N.N. (2016), Genre invariant and genesis of the classical detective story, Ph.D. Thesis, Philology, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia.
- Kornienko, A.A. (2011), “The typology of narrator and the issue of translation”, *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. 22. Teorijaperevoda*, no. 4, pp. 70–77.
- Тюпа, В.И. (2009), *Analiz khudozhestvennogo teksta: Ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii* [Analysis of literary text], Akademiya, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Наталья Н. Кириленко, кандидат филологических наук, независимый исследователь, Москва, Россия; nkirilenko466@gmail.com

Information about the author

Natal'ya N. Kirilenko, Cand. of Sci. (Philology), an independent researcher, Moscow, Russia, nkirilenko466@gmail.com